

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»
Факультет политических наук
Кафедра религиоведения и теологии
Лаборатория этнокультурных и религиоведческих исследований
ГОУ ВПО «Томский государственный университет»
Музей археологии и этнографии Сибири

МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

ВЫПУСК IV

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2010

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Ответственный редактор:
канд. ист. наук **П.К. Дашковский**

Редакционная коллегия:
докт. ист. наук **Л.Н. Ермоленко**; докт. культурологии **Л.С. Марсадолов**;
канд. ист. наук **Ю.И. Ожередов**; докт. ист. наук **Т.Д. Скрынникова**;
докт. филос. наук **О.М. Хомушко**; докт. ист. наук **Л.И. Шерстова**;
докт. ист. наук **С.А. Яценко**

М64 **Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе** : сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Изд-во Азбука, 2010. – Вып. IV. – 376 с.
ISBN 978-5-93957-433-4

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, а также новым религиозным движениям.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей духовной культуры.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №10-01-00535 а/G, тема «Влияние мировых конфессий и новых религиозных движений на традиционную культуру народов Российского и Монгольского Алтая») и ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект 2010-1.1-303-124-031 «Культурный капитал как условие и фактор инновационного развития Западной Сибири»)

ISBN 978-5-93957-433-4

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного университета, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
I. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	
<i>Вертиенко А.В.</i> К проблеме семантики горита и стрел в представлениях ираноязычных номадов Евразии	8
<i>Коников Б.А.</i> Конь в культуре и искусстве средневекового населения Омского Прииртышья, Южной Сибири и Казахстана: общее и особенное	24
<i>Марсадолова Т.Л.</i> Художественный образ ангела: от первобытности к средневековью	39
<i>Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Ч.</i> Археологический комплекс на перевале Давдаг-кутул в Западной Монголии	54
<i>Серегин Н.Н.</i> К вопросу об интерпретации «ритуальных» курганов (по материалам тюркской культуры)	78
<i>Сериков Ю.Б.</i> Человеческие жертвоприношения на культовых памятниках Урала	83
<i>Симонова И.Л.</i> «Когда на небе светили три солнца». (опыт реконструкции мифологического сюжета)	102
<i>Суразаков А.С.</i> Образы прародительниц в петроглифах Куюса ..	110
<i>Татаурова Л.В., Кромм И.Д.</i> Ставрографические материалы как источник по изучению культового медного литья у русских и христианизация аборигенов Сибири	115
<i>Ярков А.П.</i> К вопросу о месте ислама в Южной Сибири в раннее средневековье	126
II. СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	
<i>Амоголонова Д.Д.</i> Возвращение Хамбо Ламы Итигэлова в контексте бурятского этнокультурного возрождения	140
<i>Бурнаков В.А.</i> К вопросу о культе орла у хакасов	153
<i>Головизнин М.В.</i> «Нарышкинские» храмовые постройки Татарстана. Булгарско-среднеазиатский след?	164
<i>Дашковский П.К., Цэдэв Н., Шершнева Е.А.</i> Некоторые особенности этноконфессиональной ситуации в Баян-Ульгийском аймаке Монголии	180
<i>Жуков А.В.</i> Этнические, гражданские и конфессиональные предпочтения агинских бурят	187
<i>Немых А.П.</i> Ритуальная грация киргизского прикладного творчества	196
<i>Николаева Д.А.</i> Архаические воззрения бурят конца XIX – начала XX в. на женское шаманство	203

<i>Осмонова Н.И.</i> Имя как миф и символ человека традиционного общества кочевников	215
<i>Останин В.В.</i> Естественные памятники ведической цивилизации на Алтае	222
<i>Прохорова Н.А.</i> Культовые сооружения как памятники материальной культуры кыргызского народа	231
<i>Рахно К.Ю.</i> Теппоральные структуры в украинских мифологических сюжетах о гончарах (особенности архаического восприятия праздничного времени)	240
<i>Сивцев И.С.</i> Праздник Ысыах в традиционной культуре народа Саха	250
<i>Сивцева С.И.</i> Некоторые черты шаманской мифологии	255
<i>Шершнев Е.А.</i> Взаимоотношение мусульман с Русской православной церковью в XIX в. на Алтае.....	264
<i>Шкурко Н.С.</i> Влияние этноконфессионального фактора на политические процессы в регионе (на примере Республики Саха (Я))	273

III. ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАРОДОВ В ЭПИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

<i>Бакиров А.А.</i> Вооружение и военная тактика киргизских воинов (на примере героического эпоса «Манас»).....	290
<i>Гуцуляк О.Б.</i> Развитие евразийского мифологического образа гер/Кер Кер-оглы – сына могилы и правителя страны Чамбули Мастоу	297
<i>Егорочкин М.В.</i> Погребальное исполнение героического эпоса у тюрков Южной Сибири.....	315
<i>Кожобекова А.Ш.</i> Специфика пространственно-временного мифоэпического контекста пути у киргизских номадов (на материале малого кыргызского эпоса «Кожожаш»)	325
<i>Конунов А.А.</i> Отражение культа гор в алтайских героических сказаниях	335
<i>Новрузова Н.С.</i> Миссия имянаречения в эпическом памятнике огузских тюрков «Деде Коргуд»	341
<i>Нургалиева А.Б.</i> Демонические существа в мифологической прозе	348
<i>Русакова М.В.</i> Взаимосвязи древнеиранской мифологии и фольклора восточных славян	353
<i>Эшимбекова Н.С.</i> Мифопоэтическая традиция кыргызов	361
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	369
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	370

Ю.И. Ожередов*, Ч. Мунхбаяр**
*Томский государственный университет**
*Ховдский государственный университет***

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС НА ПЕРЕВАЛЕ ДАВДАГ-КУТУЛ В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ*

В соответствии с программой Института исследования Монгольского Алтая (МАСХ г. Улан-Батор) по подготовке свода археологических памятников Западной Монголии, в 2009 г. международная экспедиция Томского и Ховдского университетов продолжила обследование территории сомона Ховд Ховдского аймака.

В северной зоне сомона был предварительно изучен и описан комплекс археологических объектов, расположившихся на вершине перевала Давдаг-кутул, одного из пунктов перехода через локальный горный хребет, вытянувшийся в меридиональном направлении параллельно главному хребту Монгольского Алтая. Высота перевала над уровнем мирового океана достигает, по показаниям GPS-приемника, 2746–2750 м.

Памятники дислоцированы по сторонам от древнего караванного пути, ныне доступного для вьючного и гужевого движения, а также для прохождения вездеходного транспорта.

Археологический комплекс включает две типологически различающиеся каменные насыпи керексура (с оградой и без таковой) и наскальный петроглифический памятник, расположившийся на скальном выходе (скале), к юго-западу от насыпей. Керексур с оградой сопровождают четыре поминальные выкладки в форме кольца и 11 оленных камней, что, по классификации Д.Г. Савинова, относит данную насыпь к разряду «крупных оленных комплексов», выделяемых по наличию «до 10 и более камней» (1994, с. 29). На вершинах обеих насыпей возведены действующие сакральные сооружения, различающиеся по своему устройству и назначению. Не исключено, что дальнейшие исследования комплекса и прилегающей территории дадут новые находки.

Насыпь I (рис. 1). Расположена непосредственно в центре седловины перевала и является его культурной доминантой

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии (проект 10-01-00620а/Г «Многообразие и единство кочевых культур Западной Монголии»).

(48°03'657" северной ширины 91°10'985" восточной долготы, высота над уровнем мирового океана 2746 м). Памятник представляет собой классический керексур с круглой каменной оградой, возведенный из бессистемно набросанного (преимущественно крупного и среднего по величине) ломаного камня. По диаметру объект достигает 15 м при высоте 140–150 см.

Рис. 1. Перевал Давдаг-кутул. Насыпь I

Насыпь охватывает каменная ограда диаметром 31 м при ширине 3 м. Внутри ограды располагаются лучевидные выкладки, радиально расходящиеся от внешней стороны насыпи к внутренней стороне кольца ограды. Визуальное обследование не позволяет установить окончательное числа «лучей», так как древний горизонт по большей части перекрыт отложениями грунта и обломками горной породы. Только на отдельных участках «лучи» проявляются рядами камней, выступающих над поверхностью. Для выявления всех деталей планиграфии требуется полная зачистка площади объекта.

На настоящий момент прослежены три северных луча и один южный. Максимально фиксируемые на поверхности параметры лучей определяются в пределах 14 м длины при ширине в 3 м. Два луча пересекаются под углом в 90° по направлениям С–Ю и З–В,

на основании чего можно предположить, что они выложены в форме креста, ориентированного по сторонам света. Но между этими лучами наблюдаются другие, видимо, формирующие еще один крест, сдвинутый относительно первого под углом в 45°. Получается, что насыпь оснащена не менее чем восьмью лучами.

Практика исследований керексуров показывает, что внутри кольца бывают дополнительные лучевидные ответвления, не согласующиеся с направлением основных лучей, иногда лучи выходят за пределы ограды. В нашем случае некое продолжение одного из «лучей» наблюдается в северо-восточном секторе. Каменная выкладка шириной 3 м протянулась здесь на 11 м во внешнюю сторону, где располагается скопление из четырех поваленных оленных камней. Два других лежат у восточной стороны ограды, один внутри нее в южном секторе и четыре стоят вертикально: один на вершине насыпи и три непосредственно в полосе кольца ограды. Последние были подняты и установлены в 2005 г., когда один из авторов настоящей статьи (Ч. Мунхбаяр) побывал на памятнике с группой студентов-практикантов Ховдского университета.

Стелы выполнены на плитах и подквадратных или прямоугольных в поперечном сечении блоках горной породы различающихся по цвету: светло-коричневой (бежевой) и серой. Для производства стел использованы породы местного происхождения, подтверждением чему служат аналогичные по цвету и фактуре обломки, во множестве сваленные в насыпи и ограду керексура.

Изваяния изготовлены, очевидно, в два этапа: на первом вырабатывалась форма и проводилась шлифовка поверхности, а на втором наносили изображения. Рисунки выполнены путем мелкой пуансонной выбивки с последующей шлифовкой полученных контуров и плоскостей.

Предварительное описание оленных камней дается в условном порядке от установленного на вершине насыпи (1 ед.), к стоящим в ограде (3 ед.), затем к лежащим: внутри ограды (1 ед.), у восточной стороны ограды (2 ед.), у северо-восточного сектора кургана (4 ед.) (рис. 1). Некоторые из лежащих стел погружены в грунт, поэтому видны лишь их внешние плоскости. На этом этапе исследований они не раскапывались и наружу не извлекались, поэтому приводятся описания лишь тех поверхностей и изображений на них, которые фиксируются в данном положении.

Стела 1 (рис. 2). Установлена на вершине насыпи и является основой этнографического *обо*. Для устойчивости в вертикальном положении стела с трех сторон поддерживается кладкой из каменных плиток. Изваяние представляет собой светло-коричневый подпрямоугольный в сечении блок со скошенным верхом и слегка сужающейся примерно от середины тулова нижней частью. Высота 110 см, ширина 24 см, толщина 18 см. Под вершиной выбита цепочка из овальных углублений, символизирующая ожерелье.

По существующей типологии стела относится к I (общеевразийскому) типу оленных камней.

Рис. 2. Перевал Давдаг-кутул. Стела 1 на вершине насыпи

Стела 2 (рис. 3, 16а). Установлена в вертикальном положении в кольцо ограды. Светло-коричневый прямоугольный блок со скошенным верхом и прямоугольным поперечным сечением. Высота изваяния 131 см, ширина 23 см, толщина 20 см. На одну из широких плоскостей нанесено изображение четырех декоративных сильно вытянутых оленей, выстроившихся в вертикальную полосу головами вверх, таким образом, что туловище каждой вышестоящей фигуры до горба перекрыто расположенной ниже. Три верхних оленя показаны целиком, а последний (нижний) фрагментарно: прорисована лишь клювастая голова и часть туловища. Для передачи образов мастер использовал полиэikonический изобразитель-

ный прием, позволяющий поддерживать контуры смыкающихся фигур единой рельефной линией. В данном случае таким способом обозначаются линии горбатой спины нижнего оленя и одновременно голова, грудь и живот верхнего.

В рамках рассмотрения художественного стиля древнего изобразительного искусства необходимо отметить уникальность данного образца. Имеющаяся здесь форма изображения оленей не находит аналогов ни в корпусе источников В.В. Волкова (2002, с. 10), включающего более 200 памятников подобного типа, ни в работах других исследователей, изучавших оленные камни Монголии.

Рис. 3. Перевал Давдаг-кутул. Стела 2

Внешне олени вполне соответствуют стандарту декоративного стиля: нарочитая горбатость, закругленный круп с гипертрофированными скорченными задними и поджатыми под живот кургузыми передними конечностями. Нет серьезных отличий и в композиционном отношении: олени привычно выстроены «уступом» один над другим, передний (вожак?) повернул голову назад к своей команде. При этом нестандартным является строго вертикальное, а не наклонное положение оленей, отправившихся в свой полет. Семантически это построение, вероятно, коннотируется с военным строем воинов, атакующих во главе с командиром. Только уже не живых, а умерших, ассоциация с которыми подана через птицевидность образов (птичьи клювы и летящие позы), обретаемой, согласно традиционным верованиям, душой человека после посмертной трансформации (перевоплощения).

Изобразительные особенности начинаются с того, что все олени показаны без обычных для декоративного стиля выющихся рогов, накрывающих волнами шеи и спины животных. Таким образом, отсутствует один из определяющих элементов, формирующих образ классического скифского оленя (Членова Н.Л., 1962, с. 27). В целом одиночные образцы безрогих оленей в литературе известны, но их наличие определенно не правило, а исключение, которое не слишком заметно на общем фоне. Так, в публикации В.В. Волкова (2002, табл. 86.-2) только на трех из более чем двухсот стел запечатлены олени без рогов. Все они находятся в Ховдском аймаке Западной Монголии и входят в состав двух комплексов (Хар-говь в сомоне Мунх-Хайрхан и Баян-Зурх в сомоне Муст). При этом, кроме стилизованных оленей, на них имеются реалистические изображения животных и оружия (Волков В.В., 2002, табл. 105, 127.-2, 5).

Следует предположить, что в каких-то случаях семантическим заместителем хрестоматийных выющихся рогов могли быть не менее самобытные клювы. В литературе неоднократно отмечено, что длинный слегка изогнутый и приоткрытый на конце птичий клюв – не менее своеобразный элемент экстерьера стилизованных оленей, чем рога. Вместе с тем это не столько художественная форма, сколько знаковый маркер целого пласта первобытного искусства, особым способом кодирующий сакральный текст древних ритуалов. На оленных камнях представлены образы, облеченные особой семантикой, закрепленной в композиции внешне бесхитростного сюжета. Верхний олень-вожак развернул голову назад, и его

клюв вытянулся над клювом следующего оленя, формируя тем самым двойную полосу между головами двух первых персонажей. Клювы следующих особей раз за разом упираются в головы передних, создавая тем самым сплошной композиционный ряд с замкнутым горизонтом. Нужно отметить, что такая компоновка сюжета более лаконична и строга, нежели при использовании ветвистых рогов. При этом в композиции сохраняется ритмичная орнаментальная повторяемость, направленная на усиление эмоционального состояния участников ритуалов и закрепляющая через нестандартный образ культурный психостереотип единства и сплоченности коллектива.

Не вдаваясь пока в детальный семантический анализ образов, нелишне обратиться к вопросу о символизме оленьих рогов в контексте, например, половозрастных характеристик оленей. Принимая за прототип скифского персонажа европейский подвид благородного оленя, самцам которого собственно и присуща разветвленная крона рогов (Станек В.Я., 1972, с. 547), откинутая назад на спину, круг безрогих образов можно ограничить молодыми самцами и самками. Тогда, при прогнозируемой семантической антропоморфности оленьих образов, особи с кроной рогов могут ассоциироваться со статусными мужчинами-воинами, а безрогие, – возможно, с той, не достигшей по возрасту и рангу, частью молодежи, которая участвует в военных мероприятиях в рамках своей возрастной группы. На примерах боевых традиций ряда народов, в том числе скифского круга, отмечено, что военные походы (набеги) юношей являлись средством для продвижения по статусной возрастной лестнице с вершиной в форме союза взрослых мужчин-воинов. У народов иранского круга, к которому принадлежали устроители оленных камней, отмечено четыре таких ступени. По наблюдениям Ксенофонта, подобное деление было также свойственно милитаризованной Спарте, делившей мужское население на четыре возрастные группы (7–18; 18–20; 20–30; 30 и более лет). По мнению В.М. Михайлина (2003, с. 52–54), в такой форме юноши отрабатывали свой первый «балц», что рассмотрено на примере «молодежного» отряда Скопаса, выставленного скифами против армии Дария. Вместе с юношами в походе участвовали амазонки, которые рассматриваются в качестве столь же маргинальной, как юношеское формирование, «валькирической» группы воительниц, пребывающих в пожизненном девичьем статусе. Последние в символической форме вполне сопоставимы с безрогими оленями.

По стилистическим особенностям публикуемая стела определенно тяготеет более к монголо-забайкальскому стилю, нежели к двум другим (общеевразийский, алтае-саянский). Присутствие настоящего изваяния в западной зоне распространения оленных камней вкупе с камнями, относящимися к двум другим группам, является дополнительным аргументом в дискуссии о зонировании бытования оленных камней монголо-забайкальского типа, в частности, в связи с видимым расхождением во взглядах на этот вопрос Э.А. Новгородовой и Д.Г. Савинова (1980, с. 191): первая в ареал их распространения включает Западную и Северо-Западную Монголию, а второй считает, что они «распространены по всей территории Монголии (кроме Западной)» (Савинов Д.Г., 1994, с. 30), хотя чуть ранее упоминает о наличии «нескольких оленных камней из района Кобдо» (г. Ховд. – *Авт.*) (Савинов Д.Г., 1994, с. 29). В данном вопросе определенно имеются аспекты, требующие разработки.

За последние годы количество выявленных оленных камней монголо-забайкальского типа на территории Западной Монголии значительно выросло. Например, только в границах Баян-Ульгийского аймака группой монгольских археологов учтено 10 объектов данного типа в числе 78 оленных камней, внесенных в свод археологических памятников (Турбат Ц., Цэвээндорж Д. и др., 2009). Данный показатель составляет достаточно высокий процент присутствия указанного типа изваяний на локальной территории одного из пяти аймаков Западной Монголии. Шесть аналогичных объектов отметил на территории Ховдского аймака Б. Батмунх (2000, с. 26–28, 30–32). В следующем монографическом издании он расширяет территорию своих исследований и перечисляет уже около 10 подобных стел (Батмунх Б., 2008). Нами изучено также не менее десяти аналогичных образцов (Ожередов, 2008), среди которых имеются и ранее не известные, причем один из них находится достаточно далеко на юге, вблизи границы Монгольского и Гобийского Алтая (Ожередов, 2003). Суммарное число подобных стел в Западной Монголии достигает теперь более двух десятков, а учитывая, что выявлены далеко не все из них, фактор их наличия может непредсказуемо увеличиваться. Вместе с тем не безынтересен факт, что в крупных скоплениях оленных камней присутствуют образцы двух или даже трех типов. Например, на широко известном комплексе Баян-Зурх отмечено 30 стел (Батмунх Б., 2008, с. 49–53), четыре из которых несут летящих оленей (ПИМА, 2001, 2004). При

этом на двух запечатлены интересующие нас олени без рогов. Кроме того, на отдельных стелах Западной Монголии, помимо летящих оленей и оружия, присутствуют реалистические образы лошадей, кабанов, собак. Не исключено, что такое совмещение разностилевых изваяний на одних святилищах имеет не инокультурный, как можно предполагать в рамках градаций стилевых различий, а иной заряд.

На фоне новых материалов имеется серьезное основание предполагать, что тема, поднятая исследователями в 1980–1990-гг., может получить развитие в наши дни.

Стела 3 (рис. 4). Установлена вертикально в кольцо ограды. Изготовлена из серовато-бежевой породы в форме блока с подтреугольным поперечным сечением туловища, слегка зауженного к основанию. Вершина скошена под острым углом. Высота стелы 128 см, при ширине лицевой стороны 30 см, две другие, соответственно, левая – 21, правая – 29 см.

Рис. 4. Перевал Давдаг-кутул. Стела 3

На лицевой стороне выбиты три косые линии, а в 53 см от вершины есть изображение кинжала с параметрами 14х2 см. На расстоянии 28 см от вершины по периметру изваяния отмечено ожерелье из овальных углублений и крупной (5 см) круглой застежкой на тыльной стороне. На левой плоскости сразу над ожерельем помещена профильная фигурка горного козла, обращенного влево, а в 51 см от вершины нанесено изображение лука в горите, снабженном треугольной подвеской (14х3 см).

Оленный камень общевразийского типа.

Стела 4 (рис. 5а–б, 16б). Установлена вертикально в кольцо ограды. Сeroкаменная саблевидной формы с легким сужением кверху (снизу вверх – 32–25–18 см). Толщина подпрямоугольного в поперечном сечении блока 20 см.

а

б

Рис. 5. Перевал Давдаг-кутул. Стела 4
(а, б – противоположные боковые плоскости)

Декорированы лишь широкие плоскости, полностью занятые композициями из циркульного орнамента. На одной из сторон выстроено в два ряда 18 колец с крупной точкой в центре, на противоположной примерно по такой же схеме располагаются 14 четко раз-

личимых и один или два слабо различимых кольца в нижней зоне. На первой из сторон, помимо названных, отмечено маленькое колечко без точки, явно выбивающееся из общего ряда элементов мотива.

Под вершиной с обеих сторон имеются дефектные зоны, выраженные крупными сколами. На одной из них нанесено три хорошо различимых кольца. На противоположной стороне ситуация в дефектной зоне не столь прозрачна: обрез камня захватывает фрагменты трех колец, дужки которых выглядят, возможно, как восстановленные по обломившейся поверхности. Кроме того, имеются как будто слабые следы от трех других колец, не пробитых в чистовом варианте. Для внесения полной ясности требуется дополнительное изучение поверхности камня.

Размеры колец одной из плоскостей варьируются от 8 до 18 см, другой – от 6 до 13 см. При этом контуры колец первой из сторон почти в два раза шире, чем у колец противоположной плоскости. Между собой кольца не соприкасаются, но прослеживается некоторая закономерность в их расположении: кольца выбиты в два вертикальных ряда по долевым направлениям, при этом наиболее крупные образцы находятся преимущественно в центре и внизу, выше располагаются более миниатюрные. При наличии этих условных структур имеются случаи хаотичного заполнения пространства между крупными экземплярами более мелкими. Вероятно, плотность заполнения поверхностей имела какое-то символическое значение, содержание которого пока не ясно.

Интерпретация семантики циркульного мотива имеет уже довольно долгую историю. В ряду многочисленных авторов, в разной мере касавшихся данной темы, упомянем лишь тех, которые, на наш взгляд, отразили в своих работах основные тенденции этнографического, археологического и культурологического осмысления этого вопроса. Яркое по форме и максимально насыщенное источниками исследование по данной теме проведено С.В. Ивановым (1963, с. 464–473), который, опираясь преимущественно на этнографические свидетельства и привлекая разнообразные археологические примеры, дает достаточно полное представление о хронологическом, географическом, этнокультурном и семантическом наполнении темы. Касаясь последнего, автор склоняется к лунно-солнечной и небесной символике, с которой коннотируется антропоморфный символизм солнечного или лунного глаза (очи неба) (Иванов С.В., 1963, с. 466).

В контексте культурно-хронологического сближения с публикуемым в настоящей работе памятником интерес представляют работы А.Д. Грача (1966, с. 28–32; 1980, с. 65–66), в которых для решения проблемы «культовых представлений» носителей саглынской культуры много внимания уделено смысловой дешифровке циркульного мотива. Автором был обобщен широкий круг аналогий и сделан вывод о том, что мотив круга с центральной точкой является древним солярным символом. Также, по его мнению, он стал знаком огня и идеи вращения, в том числе «огневого» прибора, находка которого, собственно, инициировала исследование ученого в данном направлении (Грач А.Д., 1980, с. 66).

Иной позиции придерживается А. Голан, считающий, что приписываемая данному знаку солярная семантика не находит аргументированных оснований. Вместе с тем она имеет сближение с культом неба, а точнее, символизирует Великую богиню неба (Голан А., 2004, с. 13, 18, 19 и др.). Точно так же в качестве символов Богини трактует кольца М. Гимбутас, которая соотносит их с женским детородным органом. Акцентируя внимание на данной символике, автор указывает на знак, очень близкий обнаруженным на оленем камне – «в виде семени, как точку в центре замкнутого пространства» (Гимбатус М., 2006, с. 326, 244, рис. 7.-118–120). В дальнейшем циркульный мотив на данной территории известен в орнаментальной практике монголов: именно им декорированы некоторые из предметов, найденные при раскопках в Каракоруме (Pohl. 2010. Fig. 10 b, e, f). На сопредельных пространствах круги с точками в середине свойственны для тесинского декоративно-прикладного искусства, ступившего на новый «имажинотивный» или знаковый уровень изобразительного творчества, резко отличающийся от предыдущего скифского «сенсорного» или конкретно-чувственного искусства (Савинов Д.Г, 2009, с. 93). В VIII–XI вв. в Поволжье и в Западной Сибири бытуют чаши, предположительно среднеазиатского происхождения, украшенные кружками с точками внутри (Руденко К.А., 2010, с. 84). Возможно, за всеми этими разрозненными проявлениями I–II тыс. н.э. сохранялись тенденции исходного художественного пласта, сформированного до новой эры.

Убедительным подтверждением верности сопоставления циркульного орнамента с женским образом является изображение на сланцевой пластинке из Горного Алтая, относящееся к этнографическому времени (хранится в МАЭС ТГУ). Как и на рисунке из

неолитической гробницы Ле-Пьер-Плат, Локмарьякер, Бретань (Гимбутас М., 2006, с. 326, рис. 7.-118), данная находка передает женскую фигуру в одеянии, украшенном кружками (более 60).

При всем этом не исключен и другой поворот в интерпретации, основанный на сходстве кольца с точкой внутри и формой металлических зеркал Скифии VI–III вв. до н.э. с центральной ручкой-кнопкой – «два столбика, перекрытые бляшкой» (Кузнецова Т.М., 2002, с. 62, табл. 20–22). Далее облик реального зеркала, видимо, трансформируется в знаковую форму циркульного декора, в каковой появляется даже в орнаменте зеркал нового типа (Кузнецова Т.М., 2002, с. 126, табл. 67–70), сакрально дублируя изначальную форму. Зеркала на оленных камнях – деталь признанная и не требующая дополнительно дискурса, поэтому остается открытым лишь вопрос о смысле такого большого количества изображений на одном изваянии. Впрочем, пока он не решается при любой интерпретации, хотя в смысловом контексте ощутимо намечается сближение с трактовками, основанными на солярном символизме круглых зеркал. Вместе с тем в случае доказанности семантической связи колец с точками на камне и зеркал указанного типа появляется возможность синхронизировать публикуемое изваяние с группой камней общеевразийского типа или с последним этапом существования оленных камней в степной зоне Евразии.

Настоящий изобразительный тип изваяний ранее не изучался, а потому не вписывается в контекст существующей типологии оленных камней, хотя по своим формально-стилистическим и семантическим качествам вполне с ними сопоставим. В этом смысле Д.Г. Савинов (1994, с. 6) заметил, что понятие «оленные камни» весьма условно и варьируется от изначального наименования стел с реальными изображениями оленей к историко-культурной дефиниции, объединяющей группу фигурально переменных памятников с единством внутреннего содержания.

Таким образом, в рамках данного понятия появился новый декоративный вариант стелы с условным наименованием «оленный камень с циркульным орнаментом».

Стела 5 (рис. 6). Располагается плашмя у внутренней стороны ограды. Вытесана из светло-бежевой породы в форме плиты с очертаниями неправильного треугольника. Верхняя часть остро скошена, книзу тулова идет плавное сужение. Высота 138 см, при ширине в средней части тулова 35 см и толщине 16 см. На расстоя-

нии 29 см от вершины по периметру выбито ожерелье из овальных лунок. Над ним с обеих сторон нанесено по одной круглой серьге диаметром 14 см. На узкой лицевой стороне выбиты три параллельных косых линии, а ниже, в 40 см от вершины, изображен кинжал, подвешенный наискось острием влево (14x1,5 см).

Оленный камень общевразийского типа.

Рис. 6. Перевал Давдаг-кутул. Стела 5

Стела 6 (рис. 7а–б). Располагается плашмя у восточной стороны ограды рядом с №7. Изготовлена из светло-бежевой породы в форме плиты с подпрямоугольными очертаниями и скошенной вершиной. Высота 109 см при ширине, варьирующей от 35 см сверху к 25 см в середине и 26 см у основания. Верхний угол плиты с нанесенными на него символами лицевой части (три параллельных косых линии) отколот, но не утрачен и сохраняет свое место в составе плиты. На удалении 25 см от вершины на лицевой части изображен кинжал (13x1 см).

На обеих широких плоскостях под вершиной находятся кольца-серьги диаметром 10–11 см, на левой стороне серьга с короткой треугольной подвеской. Примерно в 5–7 см ниже по периметру идет цепь выемок ожерелья. На левой стороне ближе к середине плиты выбит лук в горите, оснащенный треугольной подвеской снизу. На правой стороне примерно на таком же удалении от

вершины изображено не идентифицирующееся животное в позе настороженности. У фигуры крупная вытянутая голова на короткой шее, слабопрофилированное слегка горбатое бесхвостое туловище на подогнутых передних конечностях, напоминающих по постановке фантастических хищников на ряде оленных камней Монголии (Волков В.В., 2002, табл. 40.-1; 78).

Оленный камень общевразийского типа.

а

б

Рис. 7. Перевал Давдаг-кутул. Стела 6. Вид с запада (а – лицевая и боковая плоскости; б – противоположная боковая плоскость)

Стела 7 (рис. 8). Находится снаружи у восточной части ограды рядом с №6. Стела почти целиком погружена в грунт, покрыта пятнами загара и серо-зеленой плесени. Изготовлена на подпрямоугольной в сечения плите серого цвета, слегка зауженной к нижнему окончанию. Верхний обрез заметно скошен. Внешние параметры 123х33 см при толщине 13 см.

На широкой поверхности в 23 см от вершины нанесен диск диаметром 9 см. Сразу над ним располагается выбивка в форме дуги отсекающей острый верхний угол от остальной плоскости.

Оленный камень общевразийского типа.

Рис. 8. Перевал Давдаг-кутул. Стела 7

Стела 8 (рис. 9). Изваяние повалено снаружи ограды рядом с предыдущим № 7. Представляет собой подпрямоугольную плиту с параметрами 90х28 см, полностью погруженную в почву. Единственным признаком оленного камня в данном случае стала цепочка ожерелья, выбитая в 23 см от вершины.

Оленный камень общевразийского типа.

Стела 9 (рис. 10). Располагается плашмя по соседству с камнем №8. Изготовлена из светло-серой плиты размерами 54х30 см. Вершина плавно скошена, профиль «лицевой» стороны имеет фигурный контур. Как и предыдущий образец, камень почти целиком погружен в почву, поэтому его толщина практически не фиксиру-

ется. Поверхность частично перекрыта пятнами плесени. Просматривается только одна боковая плоскость, на которой нанесены, в 14 см от вершины, ожерелье, а в 33 см фигура, напоминающая чекан, с рукояткой за поясом. Размеры последнего 12х6 см.

Оленный камень общевразийского типа.

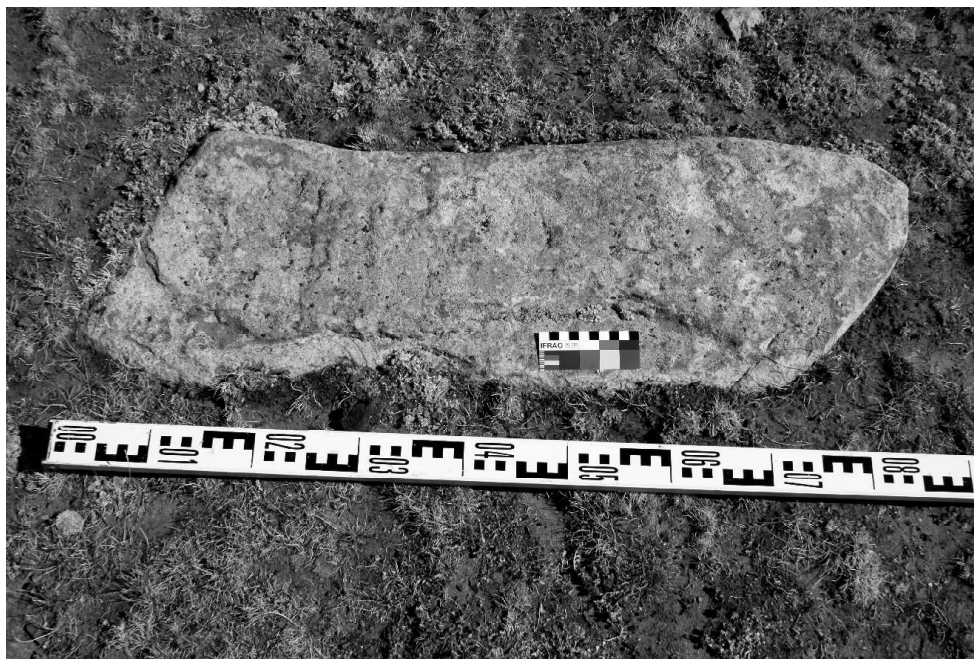

Рис. 9. Перевал Давдаг-кутул. Стела 8

Рис. 10. Перевал Давдаг-кутул. Стела 9

Стела 10 (рис. 11). Крайняя к западу в группе с №8–9, 11. Выполнена на прямоугольной плите из светло-серого камня с налетом бежевого загара. Изваяние погружено в грунт, видимая поверхность, размером 90х26 см, покрыта пятнами мха и плесени. Под вершиной изображена серьга в форме кольца диаметром 3 см, снизу которой прикреплена треугольная подвеска высотой 2,7 см.

Оленный камень общевразийского типа.

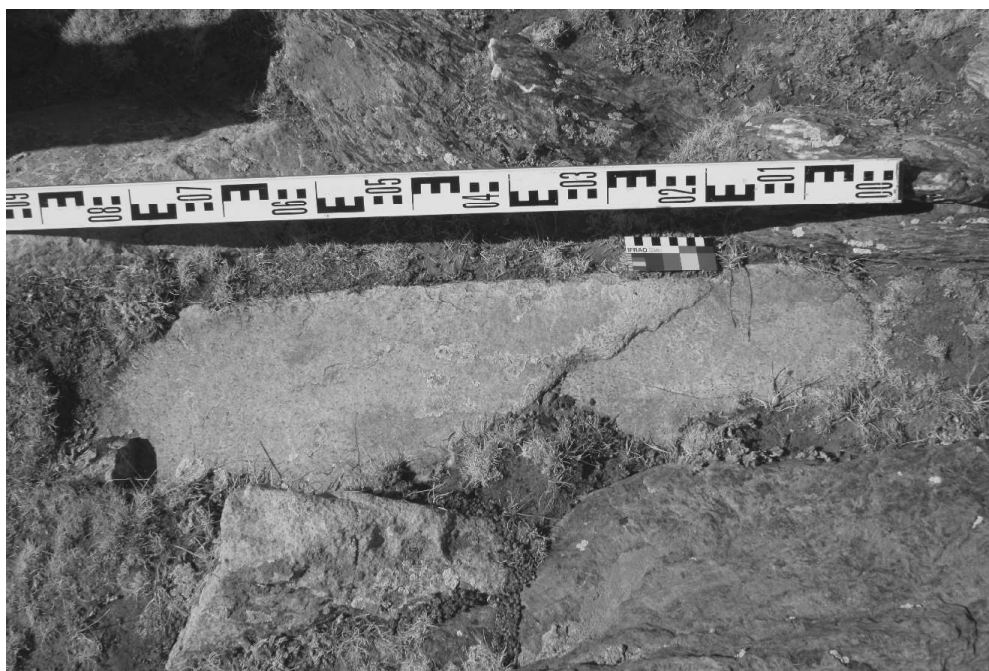

Рис. 11. Перевал Давдаг-кутул. Стела 10

Стела 11 (рис. 12). Располагается плашмя в группе с предыдущими №8–10. Изготовлена из подтреугольной плиты светло-серого цвета с параметрами боковой стороны 48–50х30 см. Три стороны погружена в грунт, по краям видны следы плесени. Близ остроконечной вершины на поверхности слегка заметна цепочка овальных лунок ожерелья.

Оленный камень общевразийского типа.

Кольца-поминальники. Как упоминалось выше, с северо-западной напольной стороны на удалении 7 м от кольца ограды (крайняя южная выкладка) располагаются дугой четыре каменных выкладки кольцевидной формы с диаметром, варьирующим от 1,5 (крайняя северная) до 2,2 м (крайняя южная). Две средние укладываются в пределы 2 м. Количество камней в кольцах также неодинаково: соответственно с севера на юг их число варьируется – 7, 8, 9, 9.

Рис. 12. Перевал Давдаг-кутул. Стела 11

Обо. На вершине насыпи установлен оленный камень №1, использованный в качестве основания *обо*, символизирующего место обитания духа перевала (Жуковская, 2002, с. 30, 135). Устроители святилища не понимали его назначения и установили в перевернутом виде. В вертикальном положении камень удерживает выкладка из крупных валунов, формирующая собственно культовое сооружение. Между оленным камнем и выкладкой вмонтированы две мощные ветки тальника, одна из которых обломилась близ основания и на обвязке, стягивающей ствола, склонилась в восточном направлении.

Ленты синих ходаков, составляющих обвязку, охватывают стволы в нескольких местах у основания, и свободно закреплены на обломленной вершине. Приношения в форме предметов на *обо* не обнаружены. Культовое место, судя по всему, посещается нечасто.

Насыпь II (рис. 13). Располагается в 89 м к юго-западу от первой в сторону скального выхода ($48^{\circ}03'639''$ северной широты $91^{\circ}10'899''$ восточной долготы, высота над уровнем мирового океана 2749 м). Диаметр 10 м при высоте 60–70 см. Насыпь линзовидной формы сложена из хаотичной наброски разнокалиберных ломаных камней. Некоторая системность просматривается лишь у основания, где слегка заметна (предположительно) выкладка, фиксирующая контур насыпи. Камни сильно затянуты грунтом, поэтому для уточнения необходима их расчистка.

Рис. 13. Перевал Давдаг-кутул. Насыпь II.
На вершине каменный столб

На вершине кургана сооружен маяк (тур) в форме слегка наклонившегося круглого в сечении столба, сужающегося кверху. Выкладка выполнена вкруговую из ломаных плиток темно-серой породы, высотой чуть более 1 м. С восточной стороны у подножия тура из таких же плиток сложена стенка длиной около 1 м и высотой 30–40 см.

Назначение данного объекта, видимо, более прозаично, нежели роль, которую играет на перевале вышеназванное *обо*. Такие знаки устанавливались в качестве указателей дорог и одновременно могли выполнять роль «каменных сторожей», которые, имитируя фигуру человека, отпугивали хищников от пасущихся домашних животных.

С другой стороны, подобные столбы на северном побережье оз. Хубсугул входят в состав культовых мест наряду с известными жертвенниками *индэрами*, превосходя при этом последние как размерами, так и количественно. Поэтому семантическая составляющая данного сооружения остается пока открытой.

Писаница Давдаг-кутул (рис. 14). Располагается примерно в 150 м к юго-западу от керексуров ($48^{\circ}03'603''$ северной широты $91^{\circ}10'786''$ восточной долготы, высота над уровнем мирового океана 2750 м).

Рис. 14. Перевал Давдаг-кутул. Писаница Давдаг-кутул. Вид с востока

Петроглифический памятник выявлен Ю.И. Ожередовым впервые, и в отличие от предыдущих объектов ранее не был известен. Из-за отсутствия возможности детального изучения он был только осмотрен и сфотографирован, с наиболее ярких сцен сделаны рабочие зарисовки в дневник. В связи с недостаточной степенью изученности приводим лишь общую характеристику и описание двух наиболее примечательных сюжетов.

Памятник расположен на низкой длинной скале серой породы, протянувшейся приблизительно на 40–50 м при ширине до 10–15 м. Выбивки располагаются примерно на 15 плоскостях, по длинным сторонам на обеих сторонах скалы. Площади изобразительных поверхностей самые разные. Наиболее крупные достигают параметров 120х60 см. Сюжетное заполнение достаточно однообразно: преимущественно одиночные изображения или группы горных козлов. Все изображения нанесены в технике сплошной выбивки мелкими насечками. В стилевом отношении большинство рисунков выполнено слабо, часто символически, не все персонажи распознаваемы. Хронологически ряд рисунков соответствует изобразительной манере конца эпохи бронзы и раннескифского времени.

Наибольшее число камней с рисунками (около 10) находится на северо-западном фасае, где тело скалы поделено мысовидными

выступами на широкие овальные выемки. Именно здесь, на разно-масштабных плоскостях располагаются наиболее интересные сюжеты, среди которых выделяется картина размерами примерно 100х30 см (рис. 15), на которой слева направо изображен ряд из четырех лошадей, в цепочку которых проникают три фигуры длиннохвостых хищников (волки ?), движущихся друг за другом навстречу травоядным. Вожак находится уже между двумя передними лошадьми, ближняя из которых заведомо меньшего размера, чем другие. Возможно, здесь показана сцена нападения на пасущийся табун, где хищники отбивают от группы взрослых замешкавшегося жеребенка (рис. 13). Размеры лошадей варьируются от 7х8 (жеребенок ?) до 12х21 см (взрослые лошади ?). Размеры хищников – один 4х8 см (самка или молодой волк ?), два – 5х9 см (взрослые самцы ?).

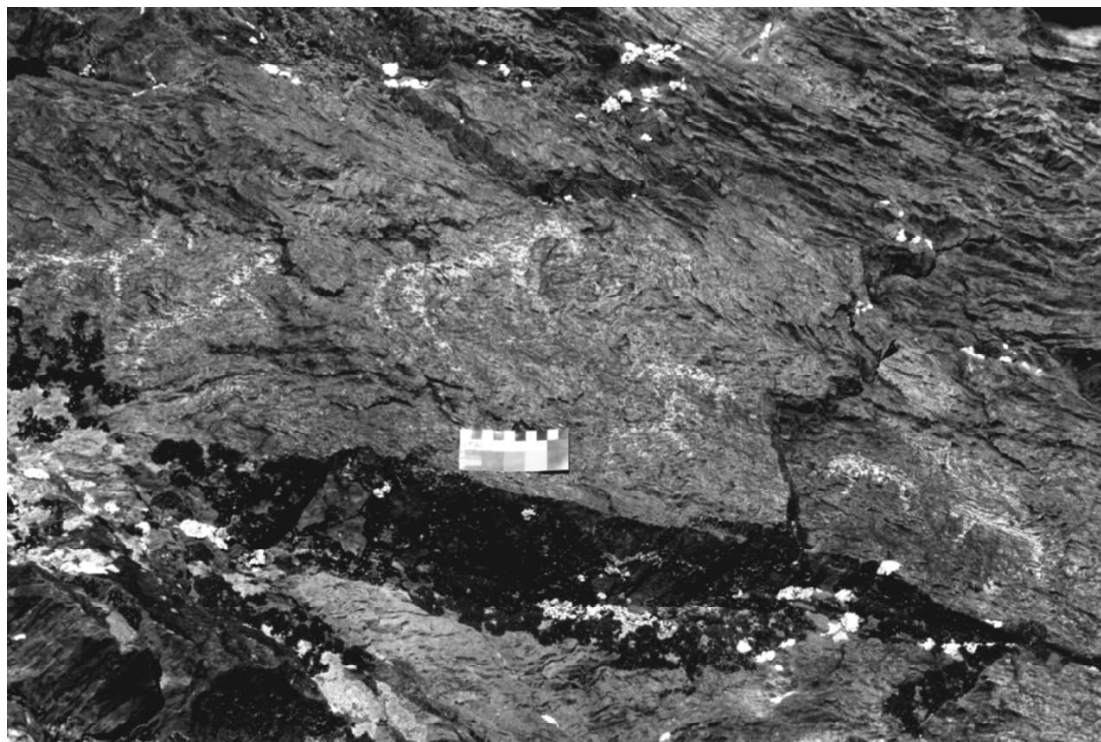

Рис. 15. Перевал Давдаг-кутул. Писаница Давдаг-кутул.
Плоскость с изображениями

Другой запоминающийся рисунок не столь интересен сюжетом, сколько манерой исполнения. Все пять фигурок горных козлов, выбитых в ряд на отдельно лежащей глыбе, перевернуты на 180°. Объяснение такому расположению животных было найдено при рассматривании сцены, перегнувшись через глыбу с ее тыль-

ной стороны. В такой позиции наблюдающий оказывается перевернутым относительно земной поверхности, но изображение видит в нормальном ракурсе. Думается, что именно в такой позе мастер наносил свой рисунок.

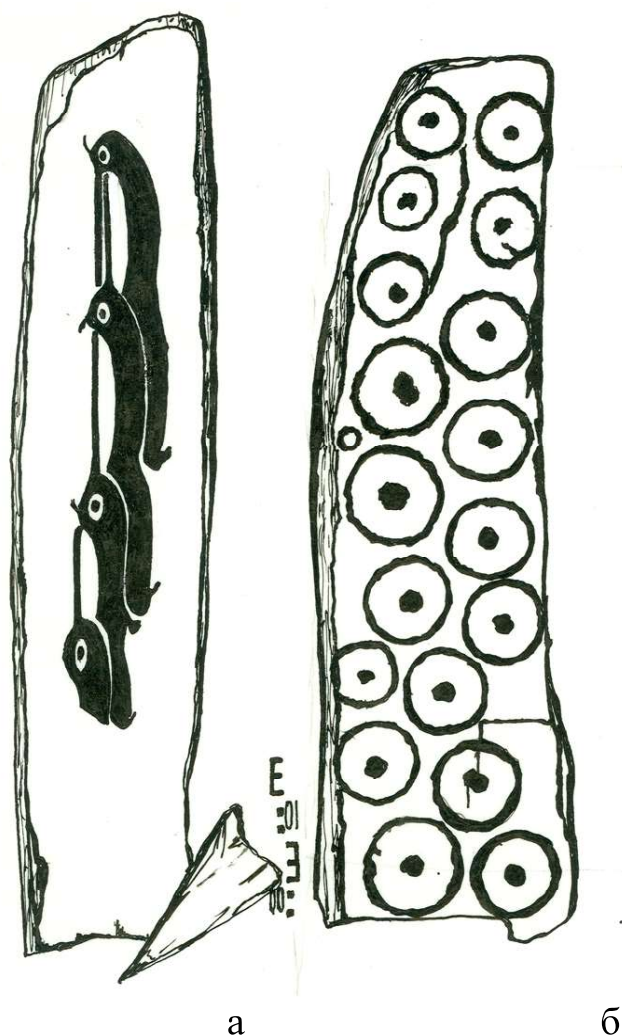

Рис. 16. Перевал Давдаг-кутул.
Оленные камни (а – стела 2; б – стела 4)

В соответствии с предполагаемой датой ряда изображений петроглифический памятник может быть не только хронологически сопоставимым с вышеперечисленными керексурами, но и являться составной частью погребально-поминального комплекса, включающего все означенные археологические объекты.

Комплекс на перевале Давдаг-кутул безусловно представляет большой интерес своей многокомпонентностью, обусловленной большим количеством оленных камней, выкладками, петроглифами и курганом-спутником, сопровождающим основную насыпь в

ограде. Столь сложный памятник, созданный в некомфортных условиях высокогорного перевала, соседствующего по линии горизонта с зоной залегания нетающего льда, возможно, подчеркнул неординарность умершего или умерших и необходимость оказания ему (им) особых почестей, отразившихся в столь яркой форме внешних конструкций.

Библиографический список

Батмунх Б. Ховд аймагийн нутаг дахь эртний туух соёлын дурсгал. Улаанбаатар, 2000.

Батмунх Б. Монгол Алтайн нурууны төв хэсгийн археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар. 2008.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 2002.

Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М., 2006. (Сер.: Гендерная коллекция – зарубежная классика).

Голан А. Миф и символ. Иерусалим; М., 1994.

Грач А.Д. Новое о добывании огня, происхождении и семантике циркульного орнамента // КСИА. Вып. 107.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 2002.

Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии. М., 2002.

Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. М., 2002. Т. I.

Михайлин В.Ю. Золотое лекало судьбы: пектораль из Толстой Могилы и проблема интерпретации скифского звериного стиля // Власть. Судьба. Интерпретация культурных кодов. Саратов, 2003.

Ожередов Ю.И. Комбинированное изваяние с р. Цалуу в Западной Монголии // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. I.

Ожередов Ю.И. Оленный камень из сомонного центра Эрдэнэ-Бурэн в Ховдском аймаке Западной Монголии // Тропую тысячелетий: К юбилею М.А. Дэвлет: труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово, 2008. Вып. IV.

Руденко К.А. О методике изучения художественных бронзовых чаш X–XII вв. из Среднего Поволжья, Предуралья и Западной Сибири // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул, 2010.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция хунну. СПб., 2009.

Станек В.Я. Иллюстрированная энциклопедия животных. Прага, 1972.

Турбат Ц., Цэвээндорж Д., Баттулга Ц., Баярхуу Н., Идэрхангай Т., Жискар П.Х. Монгол Алтайн археологийн дурсгалууд-I Баян-Өлгий аймаг. Улаанбаатар, 2009.

Членова Н.Л. Об оленных камнях Монголии и Сибири // Монгольский археологический сборник. М., 1962.

Pohl E. The Excavation in Craftsmen-Quarter of Karakorum (KAR-2) between 2000 and 2005 – Stratigraphy and Architecture // Mongolian-German Karakorum expedition. Wisbaden, 2010. V. 1.

Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

**К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
«РИТУАЛЬНЫХ» КУРГАНОВ
(по материалам тюркской культуры)***

Археологические памятники кочевников тюркской культуры раннего средневековья традиционно разделяются на погребальные и поминальные. К последним исследователи относят оградки, балбалы, стелы и изваяния. Результаты их изучения представлены в многочисленных заметках, статьях и монографиях (Евтюхова Л.А., 1952; Грач А.Д., 1961; Кубарев В.Д., 1984, 2001; и мн. др.). При этом ряд памятников сложно определенно отнести к первой или второй группе. К примеру, кенотафы можно считать погребальными объектами, хотя само захоронение отсутствует и комплекс связан с реализацией, в том числе и поминальных, функций. Еще менее однозначной представляется интерпретация «ритуальных» курганов. Именно так, на наш взгляд, предпочтительно называть объекты, основной характеристикой которых является наличие курганной насыпи при отсутствии под ней захоронения и погребальной камеры.

Варианты обозначения подобных объектов достаточно многочисленны. Памятники определяются исследователями как курганы

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Древние и современные культовые места Алтая: инвентаризация, картографирование и оценка их роли в сакрализации территорий в символическом и историко-культурном планах» (№10-01-00544а/Чел.); гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №10-01-00535 а/Г «Влияние мировых конфессий и новых религиозных движений на традиционную культуру народов Российского и Монгольского Алтая»).